

Николай Михайлович
КАРАМЗИН

Николай Михайлович
КАРАМЗИН

История
государства
Российского

Издательство АСТ
Москва

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) – выдающийся русский писатель, историк и публицист, который не ограничивался чисто рационалистическим объяснением исторических событий, но и в ряде случаев использовал так называемый прагматический взгляд на историю и историко-сравнительный метод, что поставило его произведения на уровень передовой науки того времени.

«История государства Российского» в 12 томах – это не только значительный исторический труд, но и произведение, ставшее крупным явлением в русской художественной прозе.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ

Всемиловейший Государь!

С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хвалясь ревностью и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я Вам, Государь, некоторые главы сей Истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге героя Дмитрия Донского — в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Дмитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею — но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава Александра сияет в лучезарном венце бессмертия. Государь! Если счастье Вашего добродетельного сердца равно Вашей славе, то Вы счастливее всех земнородных.

Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь вожделенного для народов и венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, наук, искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победою устранив препятствия в сем истинно царском деле, даровав златую тишину нам и Европе, чего Вы, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещаемой Вам и законом природы, и теплою молитвою подданных!

Бодрствуйте, монарх возлюбленный! Сердцеведец читает мысли, История предает деяния великодушных царей и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной памяти. Примите милостиво книгу, служащую тому доказательством. История народа принадлежит Царю.

Всемиловейший Государь!
Вашего Императорского Величества
верноподданный Николай Карамзин.
Декабря 8, 1815.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Правители, законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродни человеку и просвещенному, и дикому! На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены вере и деесписанию; омраченный густой сению невежества, народ с жадностью внимал сказаниям летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая история, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить о нем, ни

Клио – муза истории

А.С. Пушкин назвал Н.М. Карамзина «Колумбом российской истории». На самого Пушкина как на историка Карамзин оказал большое влияние. В исторических сочинениях, особенно в трагедии «Борис Годунов», Пушкин следовал версии Карамзина

хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы — красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разнообразных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над девятою* частью мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого нерусского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру

* *Примечания к предисловию и к статье «Об источниках российской истории до XVII века» см. на стр. 13—16.*

Традиции русской исторической науки были заложены В.Н. Татищевым, которого Карамзин часто цитирует

страстей: ибо Греция и Рим были народными державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание россиян при Донском, падение Новгорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время междуцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые*, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверской, столь знаменитый великодушною смертию; злополучный, истинно мужественный Александр Невский; герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государство Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю монарха, достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастья и несчастья, странный Лжедмитрий и за сонмом доблестных патриотов, бояр и граждан наставник трона, первосвященник Филарет с державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий, и царь Алексей, мудрый отец императора, коего назвала Великим Европа. Или вся новая история должна безмолвствовать, или российская иметь право на внимание.

Знаю, что битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотою для живописца; но история не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной *картине* и начать *обстоятельное* повествование с Иоаннова времени или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц вместо многих книг, трудных для автора, утомительных для читателя. Но сии *обозрения*, сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново «Введение в историю Карла V», тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих — тогда знаем историю.

Обращаюсь к труду моему. Не позволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей российской истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники поэзии! Взор наш в созерцании великого пространства не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний; может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих восьми или девяти томов², могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть сделать российскую историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого самодержавия и святой веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго-долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815

Первыми историками России были церковные летописцы

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА

Сии источники суть:

I. *Летописи*. Нестор, инок монастыря Киевопечерского, прозванный *отцом* российской истории, жил в XI веке³: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы князей; беседовал с вельможами, старцами киевскими, путешественниками, жителями иных областей российских; читал византийские хроники, записки церковные⁴ и сделался *первым* летописцем нашего отечества⁵. *Второй*, именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный владимирским князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушные последнего и другие современные деяния Юго-Западной России. Все иные летописцы остались для нас *безыменными*; можно только угадывать, где и когда они жили: например, один в Новгороде, иерей, посвященный епископом Нифонтом в 1144 году; другой во Владимире-на-Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Киеве, современник Рюрика II; четвертый в Волинии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове⁶. К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства; но, к счастью, не вымышляли, и достовернейшие из летописцев иноземных согласны с ними. — Сия почти непрерывная цепь хроник идет до государственования Алексея Михайловича⁷. Некоторые доньше

еще не изданы или напечатаны весьма неисправно⁸. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинский* и *Троицкий*, XIV и XV веков⁹. Достойны также замечания *Ипатьевский*, *Хлебниковский*, *Кёнигсбергский*, *Ростовский*, *Воскресенский*, *Львовский*, *Архивский*¹⁰. В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками или по их запискам. *Никоновский* более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но

Большинство летописцев остались безымянными. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском княжении; далее уже сходствует с другими, уступая им однако ж в исправности, — например, *Архивскому*.

II. *Степенная книга*¹¹, сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени*, или поколения государей.

III. Так называемые *Хронографы*, или «Всеобщая история по византийским летописям», с внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных *современных* известий, которых нет в летописях¹².

IV. *Жития святых*, в Патерике, в Прологах, в Минеях, в особенных рукописях.

Многие из сих биографий сочинены в новейшие времена; некоторые, однако ж, например, Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных Прологах; а Патерик сочинен в XIII веке¹³.

V. *Особенные деписания*: например, сказания о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году, о митрополите Филиппе и пр.

VI. *Разряды*, или распределение воевод и полков: начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII. *Родословная книга*: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, написанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке.

VIII. Письменные *Каталоги митрополитов и епископов*. — Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX. *Послания святителей к князьям, духовенству и мирянам*; важнейшее из оных есть послание к Шемяке; но и в других находится много достопамятного¹⁴.

X. *Древние монеты, медали, надписи*¹⁵, сказки, песни, пословицы: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

Карамзин внимательно изучал русские летописи и слыл их между собой, как этого требует источниковедение. Миниатюра с изображением похода князя Владимира из Радзивилловской летописи, к. XV в. (у Карамзина — Кёнигсбергский список)

*Материальные источники: Змеевик Владимира Мономаха
(амулет в виде медали)*

XI. *Грамоты*. Древнейшая из подлинных написана около 1125 года. Архивские новгородские грамоты и *Душевные записи* князей начинаются с XIII века; сей источник уже богат, но еще гораздо богатейший есть.

XII. Собрание так называемых *Статейных списков*, или *Посольских дел*, и грамот в Архиве Иностранной коллегии с XV века, когда и происшествия и способы для их описания дают читателю право требовать уже большей удовлетворительности от историка. — К сей нашей собственности присовокупляются.

XIII. *Иностранные современные летописи*: византийские, скандинавские, немецкие, венгерские, польские, вместе с известиями путешественников.

XIV. *Государственные бумаги иностранных архивов*: всего более пользовался я выписками из Кёнигсбергского.

Вот материалы истории и предмет исторической критики!

*Как источник Карамзин использовал и жития святых и другую духовную литературу.
Миниатюра из «Лицевого жития Сергия Радонежского», XVI в.*

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРЕДИСЛОВИЮ И К СТАТЬЕ «ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА»

¹ Седьмою. — Поправка историографа на собственном его экземпляре «Истории государства Российского».

² Том IX издан не прежде 1821 года. Впоследствии, как известно, вышли еще при жизни историографа, в 1824 году, тома X и XI, а по смерти его том XII. — *Прим. издателя 1842 г.*

³ В разных списках Нестора (*Пушкинском, Кёнигсбергском*) находятся слова: «к нему же (Феодосию) и аз приидох худый, и прият мя, лет ми сущу семнатцати от роженья моего». Игумен Феодосий скончался в 1014 году: итак, летописец наш родился около 1050 года. — В заглавии *Хлебниковского* списка (см. ниже) поставлено имя Нестора; в других автор назван просто черноризцем Феодосиева монастыря Печерского. Житие Нестора в печатном Патерике есть новейшее сочинение: его нет в древнем рукописном.

⁴ Вероятно, что по запискам церковным Нестор означал дни преставления некоторых древних князей.

⁵ Мы должны упомянуть о *мнимом древнейшем летописце* Иоакиме, первом новгородском епископе, приехавшем в Россию с царевною Анною, супругою Св. Владимира. Татищев рассказывает следующее: «Архимандрит Мельхиседек доставил ему как любителю древностей три тетради, полученные им от монаха Вениамина и выписанные из старой книги, с которою Вениамин сам ехал к Татищеву, но умер дорогою. В тетрадях написано, что Нестор худо знал происшествия новгородские, гораздо лучше известные Иоакиму; что Славен, внук Иафетов, по сказанию сего епископа, основал город Славянск в России; что после господствовал там князь Вандал, коего род-

Материальные источники:
печати Ивана Калиты

Иностранные хроники, особенно немецкие,
не были обойдены вниманием Карамзина

ственниками были князья Гардорик и Гунигар, завоеватели многих стран; что сыновья Вандаловы назывались Избор, Столпосвят и Владимир, женатый на Адвинде; что от Владимира произошел Буригой, отец Гостомысла, который изгнал варягов из России и построил Выборг; что Рюрик ему внук, Ольга Прекраса также родственница; что Святослав мучил христиан; что Св. Владимир крестился не в Херсоне, а в Болгарии; что его сыновья Борис и Глеб родились от царевны Анны, не *греческой* (изъясняет Татищев), а *болгарской*», и пр. См. его *Рос. Истории*, т. I, стр. 29—51.

Сию *шутку* многие приняли за истину и начали с важности говорить о *летописце* Иоакиме. Но слова Татищева: *Вениамин монах токмо для закрытия вымыслен* (стр. 42), доказывают, что здесь дело идет о *вымыслах*. Басня о князьях *Славене, Изборе* и прочих давно известна. Другие мнимые Иоакимовы сказания явно принадлежат той же категории. Слог их есть новый. Иоаким в X веке мог ли написать: *Святослав имел три сына, им же тако области раздели — Ярополк, известяся о сем, печален бысть — победиша не силою, ни храбростию, но предательством — мы же* (Иоаким в Новгороде) *ходихом по торжищем и улицам, и учахом; но гиблющим в нечестии слово крестное явися безумием и обманом*, и пр. Всего решительнее следующее замечание: доказано ли, что Анна, супруга Владимира, была греческая царевна, родная сестра императоров Василия и Константина? Без сомнения: не только Нестор, не только современные немецкие, арабские, но и византийские летописцы единогласно то утверждают. Как же Иоаким, приехавший с Анною в Россию, мог считать ее княжною болгарскою? Видим причину сего вымысла: не зная, что Кедрин и Зонара именуют Владимира зятем своих императоров; не зная ни Дитмара, ни Эль-Макина, Татищев сомневался в истине Несторова повествования и хотел исправить мнимую его ошибку, говоря: *сие ко изъяснению древности и Несторова темного сказания много служит, доколе полнейшая тех времен история сыскаться может* (см. Татищев. *Рос. Истории*, т. I, стр. 51). Повторяю, что он не мыслил обманывать: это затейливая, хотя и неудачная догадка.

⁶ Подробный *Псковский летописец*, доньше не изданный, начинается около 1303 года; а древнейшие в нем известия взяты из Нестора и Новгородской летописи. У меня были четыре списка сей важной хроники: один Архивский Н.Н. Бантыша-Каменского, другой Архивский А.Ф. Малиновского, третий Синодальный, четвертый графа Ф.А. Толстого. Первый из библиотеки стольника Василья Никифоровича Собакина, коего отец в 1648 году был воеводою псковским; писан дьячком Андреем Козою и доходит до 1650 года. Другие три гораздо старее сего времени, и заключают в себе некоторые особенные известия.

⁷ Два перерыва заметнее иных: в княжение Василия Димитриевича и в царствование Иоанна IV Грозного: чему, как надобно думать, виною была смерть двух московских современных летописцев.

⁸ Например, Нестор по *Кёнигсбергскому* списку. Исправнее всех напечатана Новгородская летопись в Москве с харатейного Синодального списка, а в Петербурге с бумажного старого в *Продолжении Древней Рос. Вивлиофики*. Второй список идет далее; в нем именуется *поп Иван*, без сомнения не автор, а переписчик: ибо тут же в харатейном Синодальном и теми же словами говорит о себе *пономарь Тимофей*. — *Особенные*

сказания сей летописи начинаются со времен Ярослава Великого; предыдущее взято из Нестора. — Новгородские известия простираются в краткой летописи, отданной в Архив Иностр. коллегии А.Ф. Малиновским, до самого 1570 года.

⁹ Первый поднесен императору графом А.И. Мусиным-Пушкиным; второй найден мною в библиотеке Троицкой лавры, отдан после *Обществу Истории и Древностей* и сгорел в нашествие французов.

¹⁰ В 1809 году, осматривая древние рукописи покойного Петра Кирилловича Хлебникова, нашел я два сокровища в одной книге: *летописи Киевскую*, известную единственно Татищеву, и *Волынскую*, прежде никому неизвестную. Через несколько месяцев достал я и другой список их: принадлежав некогда Ипатьевскому монастырю, он скрывался в библиотеке С.-Петербургской Академии наук между дефектами. Хлебниковский список должен быть XV или XVI, Ипатьевский XIV века; оба начинаются Нестором. — Список *Кёнигсбергский*, завоеванный россиянами в 1760 году, не старше XVI века. — *Ростовский*, зарученный св. Димитрием, содержит в себе любопытные прибавления, писан в XVII веке, идет до времен Петра Великого и хранится в Архиве Иностр. коллегии. — Так называемый *Воскресенский* (напечатанный) есть Софийский Новгородский список Нестора и продолжателей его; в нем немало важных *древних* прибавлений: о старейшине Гостомысле, о варягах киевских, о характере первых князей. — *Львовский*, изданный в С.-Петербурге в 1792 году в V томах под именем *Летописца Русского*, замечателен некоторыми особенными известиями о государствовании Иоанна III. — *Архивским* (в библиотеке Архива Иностр. коллегии) назвал я список XVII века, подобный Никоновскому, весьма исправный, от времен Василия Дмитриевича до 1560 года. — Многие и ныне думают, что патриарх Никон составлял *Никоновскую летопись*: она только принадлежала ему, отдана им в библиотеку Воскресенского монастыря и надписана его рукою: вот для чего назвали ее сим именем. — Я говорю здесь о главных, лучших, по крайней мере известнейших списках: их находится, может быть, около тысячи в России, сверх многих сокращений, писанных обыкновенно в четверть листа. Екатерина Великая, страстно любя нашу историю, первая указала печатать летописи. Издержали немало денег, но не сделали нужнейшего: исправного ученого

Археология во времена Карамзина делала только первые шаги. В основном в руки историков попадали клады, найденные случайно. Но уже тогда можно было уверенно говорить, скажем, о том, что арабские дирхемы свидетельствуют о том, что территория Руси долго находилась в сфере торговых интересов Арабского халифата и его обломков